

Абхазия.

История одной любви

Абхазия. История одной любви

Карелия

Абхазия. История одной любви

«Автор»

2026

Карелия

Абхазия. История одной любви / Карелия — «Автор», 2026

Она приехала в Абхазию лечить разбитое сердце. Он — чтобы забыть о профессиональном выгорании и тишине пустой квартиры. Алиса из Питера и Тимур из Казани встретились на диком пляже в Цандрипше — случайно, нелепо и совершенно не вовремя. Десять дней под южным солнцем, один поцелуй под водопадом и обещание не влюбляться. Но отпуск закончился, а чувства — нет. Теперь между ними тысяча километров, чужие города, бывшие, сомнения и страх. Смогут ли они превратить курортный роман в настоящую жизнь — или море окажется единственным свидетелем их любви?

© Карелия, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вкус мандариновой корки	5
Глава 2. Глубина	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Абхазия. История одной любви

Глава 1. Вкус мандариновой корки

Алиса никогда не думала, что решение всей её жизни поместится в подтрёпанный рюкзак, который она даже не сама выбирала. Рюкзак был синий, с дурацкой нашивкой в виде фламинго, и пах так, будто его последние три года хранили в банке с корицей. Подруга Мила

вручила его со словами: «Всё, подруга, хватит страдать. Через шесть часов ты будешь стоять босиком на пляже и пить из горла вино, которое пахнет солнцем». И вот теперь Алиса стояла на перроне Адлерского вокзала, совершенно оглушённая, потому что всё вокруг кричало, пахло и двигалось с какой-то южной, чуть безумной интенсивностью. Она вышла из поезда ночью, а в шесть утра уже тряслась в маршрутке, прижатая плечом к стеклу, и смотрела, как за окном проносится сначала городская пыль, потом пальмы, потом внезапно — море. Настоящее. Чёрное.

Маршрутка высадила их на повороте к Цандрипшу. Алиса, потирая затёкшую шею, огляделась: слева — горы, такие огромные и зелёные, что Питер с его аккуратными мостами показался ей вдруг нарисованным акварелью, несерьёзным; справа — море, серое в утренней дымке, покачивалось лениво, как огромное живое существо, которому просто лень просыпаться. Мила, которая приехала на день раньше и уже успела загореть до бронзы, выскочила из-за киоска с чурчелой и заорала так, что обернулись все чайки: «Алиска! Ты! Приехала!» Подруга обняла её, обдав запахом кокосового масла и абхазского лавра, и Алиса вдруг подумала: может, и правда получится. Может, получится не думать о Сергее, не проверять телефон каждые три минуты, не плакать по ночам в подушку.

Гостевой дом назывался «У тёти Фатимы», и это было прекрасно. Тётя Фатима, дородная улыбчивая женщина с руками, которые, казалось, могли одновременно нарезать курицу и сплести кружево, выделила им комнату с видом на мандариновый сад. С балкона второго этажа можно было дотянуться рукой до ветки и сорвать прямо с дерева оранжевый, ещё тёплый от утреннего солнца плод. Алиса сорвала один, вдохнула запах — терпкий, сладкий, с горчинкой кожуры — и почувствовала, как внутри что-то потихоньку оттаивает.

— Значит так, — сказала Мила, выкладывая на кровать арсенал курортницы: три купальника, четыре сарафана и бутылку игристого. — Программа минимум на сегодня: море, рынок, вино. Программа максимум: знакомство с горячим местным жителем по имени Аслан или Тимур. Можно Темур. Можно Темо. Можно любого, лишь бы улыбался и угощал хачапуре.

— Мне никто не нужен, — отмахнулась Алиса, но мандарин уже догрызла. Кожуру сунула в карман — привычка из детства, когда бабушка сушила корки для чая. Питерская привычка. Здесь ей, кажется, не место.

— Вот поэтому ты и одна, — философски заметила Мила и кинула в неё купальником.

Но море в тот день Алису не приняло. Они дошли до пляжа — галечного, с крупной, нагретой солнцем галькой, которая больно впивалась в ступни, — и Алиса вдруг поняла, что ей не нравится этот пляж. Слишком много людей, слишком громко играет музыка из прибрежного кафе, слишком сильно пахнет кукурузой и шашлыком, и вообще всё не так, как она представляла. Она посидела полчаса под палящим солнцем, чувствуя, как кожа покрывается испариной, а в голове назойливо крутится мысль: «Сергей сейчас, наверное, в офисе, пьёт свой дурацкий лате на миндальном молоке и даже не вспоминает обо мне». Мила уплыла в море и превратилась в яркую точку у буйков, а Алиса собрала полотенце и пошла прочь.

Она не знала, куда идёт. Просто свернула на тропинку, которая уходила в сторону от главного пляжа, мимо каких-то ржавых гаражей и старой лодочной станции. Тропинка петляла между зарослями ежевики, цеплявшейся за её сарафан, и вывела к небольшому дикому пляжу, спрятанному за скалистым мысом. Здесь не было ни души. Море накатывало на берег прозрачными, бирюзовыми у самого песка волнами, галька была мельче и светлее, а у кромки воды лежал огромный выбеленный солнцем ствол дерева, похожий на спящего кита. Алиса сбросила шлёпанцы, зарылась пальцами в горячую гальку и выдохнула.

Вот оно. Вот это уже похоже на отпуск. Она не заметила, как уснула. Просто прилегла на полотенце, подложив рюкзак под голову, и солнце убаюкало её — осторожно, как убаюкивают больного ребёнка. Ей снился Питер: серый, мокрый, с низким небом, и она бежала по набе-

режной Фонтанки, пытаясь догнать чью-то тень. Проснулась от того, что тень упала на лицо. Кто-то стоял над ней, заслоняя солнце.

— Девушка, вы живы?

Голос был мужской, низкий, с лёгким, едва уловимым акцентом — не кавказским, скорее волжским, что-то такое распевное. Алиса резко села, щурясь и пытаясь сфокусироваться. Перед ней стоял высокий парень в выгоревших плавках, с мокрыми тёмными волосами, зачёсанными назад. В руках он держал ласты и что-то ещё — какой-то сетчатый мешок, в котором что-то шевелилось. Капли морской воды стекали по его груди и плечам. Он смотрел на неё сверху вниз — не испуганно, а скорее с ленивым любопытством, как смотрят на выброшенную морем диковинную рыбу.

— Жива, — хрипло ответила Алиса, пытаясь пригладить волосы, которые, как она подозревала, сейчас напоминали гнездо. — А что?

— Да просто вы лежите на моём месте уже часа два, — он усмехнулся уголком губ. — Вообще-то это мой пляж.

Алиса огляделась. Никаких признаков частной собственности, только море, камни и то самое бревно. Она подняла бровь.

— Ваш пляж? Вы его купили? Или, может, у вас тут табличка?

Парень хмыкнул, опустил на гальку свой мешок (в нём действительно что-то шевелилось и поблескивало — Алиса с ужасом поняла, что это морские ежи), и присел рядом на корточки.

— Таблички нет, — признал он. — Но есть устная договорённость с чайками. Я им разрешаю тут гадить, а они за это охраняют моё личное пространство. Вы чаек не видели? Значит, проникли нелегально.

Алиса невольно улыбнулась. Он говорил серьёзно, но в уголках глаз пряталась усмешка. Близко к глазам — она вдруг заметила, какие они у него странные. Тёмно-карие, почти чёрные у зрачка, но к краю радужки — янтарные, как будто кто-то плеснул туда мёда. И морщинки-лучики вокруг, хотя на вид ему было чуть за тридцать. Такие морщинки бывают у людей, которые много смеются. Или много хмурятся на солнце.

— Ладно, — сказала Алиса, поднимаясь и отряхивая с сарафана налипшую гальку. — Ваш пляж — ваши правила. Я уйду.

— Да я не гоню, — он вдруг перестал улыбаться. — Сидите, если хотите. Места много. Просто я обычно тут один, и когда увидел вас — спящую, — подумал, может, солнечный удар. Я вообще-то врач.

Врач. Это объясняло цепкий, быстрый взгляд, которым он, пока говорил, успел оценить её расширенные от сна зрачки и лёгкий румянец на плечах — обгорела, поняла Алиса. Она машинально потрогала плечо и поморщилась.

— Дадите совет как врач? — спросила она.

— Зависит от вопроса.

— Как перестать думать о том, о чём думать не надо?

Он посмотрел на неё внимательно, уже без всякой усмешки. Помолчал. Потом поднял свой мешок с ежами и кивнул в сторону моря.

— Надо нырнуть. Море всё смывает.

— Я не умею нырять, — соврала Алиса. Она умела, просто не хотела.

— А я научу, — сказал он просто. — Только давайте не сейчас. Сейчас слишком жарко. Приходите вечером на закате. Тут, на этом самом месте. У меня будет костёр и... — он заглянул в мешок, — и морские ежи. Вы когда-нибудь пробовали сырых морских ежей?

— Господи, нет.

— Значит, будете пробовать. Это обязательная часть терапии.

Он поднялся, закинул мешок на плечо и пошёл по кромке воды, оставляя на мокрой гальке глубокие следы. Алиса смотрела ему вслед. У него была странная походка — чуть пружинистая.

жинистая, как у человека, который привык быстро ходить по больничным коридорам, но сейчас нарочно замедляется, чтобы не спугнуть море. У самой скалы он обернулся.

— Эй! — крикнул он. — А как вас зовут-то? А то вдруг вы мне приснились.

— Алиса.

— Как в стране чудес?

— Как в Книге чудес. Я из Питера.

— А я Тимур. Из Казани.

Он махнул рукой и скрылся за мысом. Алиса села обратно на полотенце и вдруг поняла, что улыбается как дура. Имени она ему не хотела называть — не потому что стеснялась, а потому что в этом было что-то слишком интимное: назвать имя незнакомцу на пустом пляже, когда вокруг только море и чайки. Но он назвал своё. Тимур. Из Казани. Врач.

Интересно, что он лечит, подумала Алиса. И тут же одёрнула себя: не смей. Не смей даже думать. Ты приехала сюда лечиться от мужиков, а не находить новых. Особенно врачей. Особенно таких, с медовыми глазами и дурацкими шутками про чаек. Но всё равно поднялась с полотенца, отряхнулась и пошла к дому, уже зная, что вечером придёт.

Тимур заметил её ещё с воды. Сначала он подумал, что это просто куча тряпья, выброшенная морем — на этом пляже вечно валялось что-то: обрывки рыбацких сетей, пластиковые бутылки, иногда целые мандариновые ящики. Но когда подплыл ближе, разглядел — девушка. Лежит, свернувшись калачиком на смешном розовом полотенце, и спит. Спит на солнце, на самой жаре, даже не укрыв голову. «Привет, тепловой удар», — мрачно подумал он, выбираясь на берег. Морские ежи в сетке неприятно кололи бедро, но он всё равно пошёл к ней — быстро, автоматически, как ходят к пациенту, когда срабатывает тумблер «надо».

Но она проснулась сама. Села, шурясь, растрёпанная, с прилипшей к щеке песчинкой, и первым делом не испугалась, а принялась спорить. Это его позабавило. В Казани с ним обычно не спорили — в больнице он был «доктор Сабилов», чёткий и немногословный, а в обычной жизни после развода вообще оброс какой-то мрачной аурой, которую люди предпочитали обходить стороной. А эта питерская Алиса — сонная, лохматая, с красными от солнца плечами — смотрела на него так, будто имела полное право здесь находиться.

Он и не гнал её. Просто в последнее время он вообще никого не хотел видеть. Два года в красной зоне выжгли из него всё: способность к лёгкому общению, желание знакомиться, даже просто смотреть на людей без профессиональной оценки (давление, цвет кожи, частота дыхания). Он приехал в Абхазию дикарём именно за этим — чтобы никого. Палатка, горелка, спальник. Засыпать под шум волн и просыпаться в пять утра, когда солнце только-только красит море в розовый. Молчать сутками и не чувствовать себя виноватым за это молчание.

Но эта девушка... Она спросила его: «Как перестать думать о том, о чём думать не надо?» И он ответил про море, потому что так он сам лечил себя последние десять дней. Ныряешь — и на несколько секунд становишься никем. Ни врачом, ни бывшим мужем, ни отцом, который видит сына только по выходным и мучается чувством вины. Просто тело в солёной воде. Просто звук собственного пульса в ушах.

Он не планировал звать её на закат. Это вышло само.

До вечера он провёл время в своём лагере — небольшой палатке, спрятанной в роще за пляжем, подальше от любопытных глаз. Развёл костёр, почистил ежей, выложил их в миску со льдом (лёд он покупал утром у тёти Фатимы — той самой, у которой, как он подозревал, и остановилась Алиса; он видел, как она выходила из калитки гостевого дома с той шумной блондинкой). Приготовил две жестяные кружки, банку растворимого кофе и бутылку местного красного вина — на случай, если разговор пойдёт не про кофе.

Без четверти семь она пришла. На ней был другой сарафан — длинный, льняной, цвета морской волны, с вышивкой на груди. Волосы она заплела в небрежную косу, которая уже растрепалась, и из неё выбивались светлые прядки, подсвеченные закатным солнцем. Плечи

блестели — намазала чем-то, слава богу. Увидела костёр, увидела его, сидящего на корточках, и улыбнулась чуть нервно, но всё равно пришла.

— Я не опоздала?

— Как раз вовремя. Закат через пятнадцать минут. Садитесь.

Она села на бревно, подобрав ноги, и он вдруг поймал себя на мысли, что ему нравится, как она двигается. Не кокетливо, не нарочито — а естественно, как человек, который привык чувствовать своё тело. Он протянул ей кружку с кофе.

— Это чтобы не захмелеть от ежей, — пояснил он. — А ежи что, алкогольные?

— Нет, но они странные. К ним надо привыкнуть.

Он показал, как есть: раскрыть панцирь, выскрести оранжевую мякоть, похожую на икру, и запить вином. Она поморщилась, но попробовала. Потом ещё. Потом засмеялась и сказала, что это похоже на вкус моря, если бы море было едой. Он кивнул: да, именно так. Они сидели у костра, ели ежей, пили вино и молчали. Молчание было не неловким — оно было таким, какое бывает между давними знакомыми. Море темнело, наливалось чернильной синевой, а небо на западе горело апельсиновым и лиловым.

— Ты спросила утром, как перестать думать, — сказал Тимур, глядя в огонь. — Я не ответил нормально.

— Нормально ответил. Море, нырять...

— Нет, я серьёзно. Когда я приехал сюда десять дней назад, я вообще не мог спать. У меня тут, — он постучал пальцем по виску, — крутилась одна и та же картинка. Ребёнок. Девочка, три года. Мы не смогли её вытащить. И я думал об этом каждую чёртову ночь.

Алиса замерла. Он не смотрел на неё — смотрел в огонь, и пламя плясало в его глазах, делая их совсем золотыми.

— А на четвёртый день я просто зашёл в воду и поплыл. Далеко-далеко, за буйки, туда, где уже не видно берега. И вдруг понял: я не думаю. Совсем. Только дышу и плыву. Это не лечит, нет. Но даёт передышку.

— И что, помогло? — тихо спросила Алиса.

— Пока не знаю. Я всё ещё здесь.

Он подбросил в костёр ветку. Искры взлетели вверх, к первым звёздам. Алиса отставила кружку, обхватила колени руками и заговорила. О Питере, о Сергее, который то уходил, то возвращался, а она всё ждала, как дура. Об архитектуре — она реставратор, и её последний проект, старинная усадьба на Обводном, провалился, потому что инвестор передумал. О том, что она приехала сюда лечиться, но уже второй день чувствует себя так, будто её выдернули из привычной серости и бросили в слишком яркий, слишком громкий, слишком живой мир.

Тимур слушал. Просто слушал — не перебивая, не давая советов. И от этого ей становилось легче говорить. Когда она замолчала, он сказал:

— Знаешь, что я вижу? Ты не лечиться сюда приехала. Ты приехала вспоминать, какая ты на самом деле. Без него, без работы, без питерского неба. И ты уже вспоминаешь. Просто ещё не заметила.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Он не отвёл глаз. Впервые за много месяцев это не было неловко.

— Спасибо, — сказала она. — За ежей и за... это.

— Это не я, — он мотнул головой в сторону моря. — Это оно. Море тут такое. Сама увидишь.

Они просидели у костра до темноты. Потом он проводил её до поворота к гостевому дому. Она шла впереди, он — чуть позади, и на прощание она вдруг обернулась:

— А завтра? Научишь нырять?

— В девять утра. Не опаздывай, Страна Чудес.

Она фыркнула и исчезла за калиткой. Тимур вернулся к костру, затушил его песком, лёг в палатку и впервые за много дней уснул мгновенно, даже не успев привычно прокрутить в голове тревожный список завтрашних дел.

Глава 2. Глубина

Утро началось с мандаринов. Алиса проснулась в шесть, когда солнце только-только позолотило занавески, и первым, что она увидела, была ветка за окном — тяжёлая, гнущаяся под тяжестью оранжевых плодов. Она встала, не разбудив Милу (та спала, раскинувшись звездой и сжимая в руке телефон с открытым чатом какого-то «Аслана — красавчика, 32 года»),

и вышла на балкон. Воздух был прохладный, чуть влажный от ночного тумана, и пах так, как пахнет только на юге в ранний час: морем, нагретой за день хвоей, сладким дымом от чьей-то печки. Она сорвала мандарин, очистила его, и масло из кожуры брызнуло на пальцы — терпкое, эфирное. В Питере она покупала мандарины в супермаркете, и они пахли только холодом и пластиком. Здесь они пахли жизнью.

— Ты чего вскочила ни свет ни заря? — прохрипела Мила, не открывая глаз.

— У меня встреча.

— Что? — Мила резко села, волосы торчали в разные стороны, как у взъерошенного воробья. — Какая встреча? С кем? Ты вчера вечером куда-то ходила! Я так и знала! Алиска, колись!

Алиса вздохнула, присела на край кровати и рассказала. Про дикий пляж, про морских ежей, про врача из Казани с медовыми глазами. Мила слушала с открытым ртом, а когда Алиса закончила, выдала вердикт:

— Ты сошла с ума. В хорошем смысле. Это же судьба!

— Это не судьба, — отмахнулась Алиса, но сердце предательски ёкнуло. — Это просто... ну, компания. Мы оба тут одни. Ему скучно, мне скучно. Всё.

— Скучно? — Мила расхохоталась. — Дорогая моя, ты вчера ушла на закат и вернулась в темноте. У тебя глаза горели, как у кошки, которая нашла сметану. Признайся, он красивый?

— Он... — Алиса замялась, подбирая слова. — Он настоящий. Понимаешь? Не притворяется. Не играет. Просто говорит то, что думает.

Мила присвистнула и упала обратно на подушку.

— Ну всё, пропала питерская барышня. Ладно, иди на своё свидание. Но учти: если он окажется маньяком, я вызываю полицию.

— Он врач, — напомнила Алиса.

— Тем более. У врачей есть доступ к скальпелям.

Но Алиса её уже не слушала. Она натянула купальник, сверху — тот самый льняной сарафан, схватила полотенце и выскользнула за дверь. До девяти оставалось полчаса, но ей хотелось прийти пораньше, чтобы успеть унять дурацкое волнение в груди.

Она пришла на дикий пляж в восемь сорок и застала Тимура уже в воде. Он плавал далеко, у самых буйков, его голова то появлялась, то исчезала среди волн, и Алиса невольно залюбовалась. В его движениях не было суеты — он плыл размеренно, мощно, как человек, который полностью доверяет своему телу. Она села на то же бревно, что и вчера, обхватила колени руками и стала ждать. Через пять минут он заметил её, махнул рукой и поплыл к берегу. Вышел из воды — мокрый, загорелый, с каплями на ресницах, — и Алиса вдруг поймала себя на том, что рассматривает его слишком пристально. Широкие плечи, сильные руки, и шрам — длинный, тонкий, через всё левое предплечье. Она не спросила про шрам, но заметила. Он перехватил её взгляд, но ничего не сказал.

— Не опоздала, Страна Чудес, — сказал он вместо приветствия. — Готова нырять?

— Готова, — соврала она.

Вода была прохладнее, чем вчера. Алиса зашла по колено, поёжилась, но Тимур не дал ей времени на раздумья: взял за руку и потянул за собой. Его ладонь была тёплой и сухой, несмотря на воду, и держал он её крепко, но не грубо — как держат пациента, которому нужно просто немного уверенности. Они зашли по пояс, по грудь, и Алиса ахнула, когда вода коснулась плеч.

— Дыши ровно, — сказал Тимур, останавливаясь. — Сначала просто поплаваем. Ты как вообще с водой?

— Нормально, — ответила Алиса, чувствуя, как зубы начинают постукивать. — Я плаваю. Просто давно не была в море.

— Тогда давай так: ложись на спину. Она легла. Солёная вода держала её, как большая ладонь, и на мгновение она почувствовала то, о чём он вчера говорил: пустоту в голове, полное отсутствие мыслей, только небо и ритм собственного дыхания. Тимур был рядом, но не трогал её, просто лежал на воде, глядя в то же небо. Так они провели, наверное, минут десять. Молча. Слушая море.

Потом он сказал:

— Теперь ныряем. Смотри на меня.

Он набрал в лёгкие воздух и ушёл под воду. Не резко, не с шумом — плавно, как дельфин, почти без брызг. Алиса смотрела, как его тело исчезает в зеленоватой глубине, и затаила дыхание. Через несколько секунд он вынырнул, откинул волосы с лица и улыбнулся. Улыбка у него была совсем мальчишеская, и она вдруг подумала, что впервые видит его по-настоящему весёлым. Не ироничным, не задумчивым — а просто счастливым, здесь и сейчас.

— Твоя очередь, — сказал он. — Главное правило: не бойся. Вода чувствует страх. Ты ей не нравишься испуганной, и она начинает выталкивать тебя обратно. А если ты ей доверяешь — она тебя принимает.

— Ты говоришь как местный шаман, — хмыкнула Алиса.

— Я врач. Это почти то же самое. Давай.

Она набрала воздух и нырнула. Вода сомкнулась над головой, и на секунду стало страшно — тот самый холодок в животе, древний страх глубины. Но она заставила себя открыть глаза. И увидела чудо. Солнечные лучи пронизывали воду, рисуя на дне золотые сетки, мелкие рыбёшки шарахались от неё серебряными искрами, а дно — белое, песчаное — уходило вниз плавным склоном. Мир был беззвучным, прозрачным и совершенно иным. Она пробыла под водой секунд пятнадцать, а когда вынырнула, засмеялась — громко, от души.

— Ну как? — спросил Тимур.

— Я хочу ещё, — выдохнула она.

— Вот это правильный ответ.

Они ныряли ещё час. Тимур показывал ей, как задерживать дыхание дольше, как правильно работать ногами, как уходить на глубину, не поднимая тучу песка. Он был терпеливым учителем — не кричал, не дёргал, просто направлял. Пару раз его рука касалась её талии, поправляя положение тела в воде, и каждый раз Алиса чувствовала, как по коже пробегает электрический ток. Она надеялась, что он этого не замечает. Замечал, конечно. Но не подавал виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.